

TECCA *ME*

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ТАМ,
ГДЕ ХИМИЯ,
ТАМ И
ЧУВСТВА

18+

Опасный ПРОФЕССОР

ЧУВСТВУЕШЬ ХИМИЮ?

Тэсса Рэй

Опасный профессор. Чувствуешь химию?

<https://litres.ru/74481633>

SelfPub; 2026

Аннотация

– Я изучил ваше дело, резюме. Оно впечатляющее. Я и так это знал – вы лучшая ученица на всем потоке. Но у меня есть железное правило – не гадить там, где ешь.

– Что?

Рицци подошел ко мне ближе, как крадущийся хищник. Медленно, уверенно. Встал напротив меня, заключив в капкан – я была зажата между его телом и креслом.

– Это очень серьезный проект. На карту поставлено все. И я не могу взять помощницу, которая будет меня отвлекать.

– От-отвлекать? – спросила я, заикаясь.

– Вы – идеальный кандидат. Но вчера я понял, что совершил ошибку. Я не стану вас нанимать. Категорически.

– П-почему?

– Потому что я не смогу думать о проекте. Вообще думать не смогу ни о чем. Только о том, как сильно хочу вас

Содержание

1	4
2	10
3	14
4	18
5	23
6	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Тэсса Рэй

Опасный профессор.

Чувствуешь химию?

1

– Так, Ангелина, отставить панику! – бормотала я себе под нос, стоя перед тяжелой, бронированной дверью в подвале университетского корпуса.

От страха сердце колотилось так громко, что заглушало даже гул вентиляции.

Наверху, в светлой лаборатории, подчиненные профессора Рицци перешептывались, что он уже неделю ищет ассистентку для секретного проекта. Но никто не может пройти отбор.

Зря я узнала об этом. Не нужно было спрашивать, надо было просто пойти и впечатлить профессора своими выдающимися... талантами. А теперь наслушалась страшилок и все.

– Выше нос, ты сильная, ты смелая, ты справишься!

Я посещала его курс по микробиологии. Каждая лекция Дэмиана Рицци была спектаклем. Он не просто читал материал – он как будто проживал его.

Профессорский голос, низкий, с хрипотцой, с легким итальянским акцентом, заставлял забыть о времени. Он рисовал на доске формулы, как художник, и каждое его движение было точным, уверенным.

Полу-итальянец, красивый как бог, опасный, чарующий и страшный. Его боялись все в университете.

Я влюбилась в его гений. В его страсть к науке, в его безумные идеи. Это было не про внешность. Хотя, конечно, про внешность тоже. Он был чертовски привлекателен.

Сегодня я думала, что готова. Была. До тех пор, пока не дошла до двери.

Если я пройду отбор, и пробуду под его патронажем целый год – меня позовут куда угодно! Я стану востребованной.

И несмотря на то, что никто не знал в чем именно заключается его новый профинансированный проект, я мечтала о месте его ассистентки. И я была готова на все, чтобы получить эту работу.

Дверь передо мной не имела замков. Только камера. Я подошла ближе, растерянно оглядываясь. Как постучать?

Я подняла руку, но так и не решилась прикоснуться к металлу.

Прозвучал резкий, металлический щелчок, и дверь бесшумно ушла в сторону. Я вздрогнула, но шагнула внутрь.

– Тук-тук, профессор Рицци? – позвала я тихо.

Внутри приглушенный свет, в воздухе пахло озоном и чем-то сладковатым. В центре стояли стеллажи с пробир-

ками. В них переливалась жидкость, которая сначала была светло-розовой, а затем внезапно стала ярко-красной. Она казалась живой, пульсирующей, словно кровь. Я замерла, завороженная этим зрелищем.

Вдруг раздался резкий звон разбитого стекла, а за ним – тихий отборный мат. Какая-то жидкость растеклась по полу, направляясь к моим ногам. И следом снова хриплый мат.

Профессор стоял в центре лаборатории. Он смотрел на разбитую колбу, потом на меня, а потом... начал раздеваться. Сначала снял рубашку, потом брюки.

– Ни шагу дальше, – резко, почти рыча предупредил он и окинул меня каким-то странным взглядом. – На вас одежда натуральная?

– Что? Профессор Рицци, я пришла на собеседование... – начала я, но он оборвал мой поток речи жестом руки. И смотрел на меня, не мигая, как хищник.

– Это неорганический подвид бактерий, который распространяется по воздуху в парах и сжигает все синтетическое в составе тканей. Если в вашей одежде есть хоть малейшая примесь синтетики – снимите ее немедленно, если не хотите получить сильнейший ожог кожи.

Он произнес это буднично, как будто говорил о погоде. А я похолодела. Смотрела на жидкость, которая уже почти касалась моих туфель.

Паника, страх – все это меня буквально подстегнуло к действию без раздумий. Я начала быстро раздеваться. Юбка,

тщательно подобранная для собеседования, полетела на пол. Блузка последовала за ней.

Я замерла, оставшись в нижнем белье. Стыдливо подняла глаза на профессора. Он уже был в одних боксерах.

Ох, ну и наглая морда! Он смотрел на меня с явным нетерпением, как будто говорил: “Чего ждешь? Раздевайся дальше”. И сам, не отрывая взгляда от меня, снял свои боксеры.

Он остался полностью голым.

– Вот, черт... – прошептала я, спрятав глаза куда угодно, только бы не на него.

Я стянула с себя бюстгальтер, потом трусики. Свет из колб и пробирок стал совсем ярким, кроваво-красным. Что за магия такая?

Мне было страшно и стыдно одновременно. Я чувствовала кожей, как он разглядывает меня. Скользит по моему телу взглядом, полным молчаливого одобрения и... чего-то демонического.

В этом свете он выглядел как настоящее исчадие ада – мышцы, татуировки, опасная аура. И его взгляд проходил по моему телу, задерживаясь на груди, на бедрах.

– Так ты еще прекрасней, ангел, – сказал он, склонив голову на бок, и уголок его рта чуть приподнялся, словно он смеялся собственной шутке.

– Я – Ангел-лина, – икнула я от страха и от вида его мужского достоинства.

Оно увеличилось в размерах, налилось кровью, выглядело

внушительно, и он этого совсем не стеснялся, а смотрел на меня как на лабораторный образец.

– Вы провалили собеседование, – произнес он ровно, глядя на меня.

– Что?! Почему?

Уму непостижимо! Я что не прошла его потому что как-то не так выгляжу обнаженной? Я же ему понравилась, что было очевидно для нас обоих.

– Потому что вы не компетентны. Бактерии, сжигающие синтетику, уже давно бы сожгли ваши волосы и обувь. А в разбитой колбе был обычный чай.

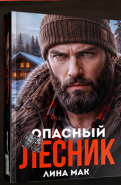
Пол стал уходить из-под ног. От ярости и негодования, я была готова броситься на этого наглого мерзавца. Но стыд перевесил все эти чувства.

– Вы... Вы!!!

– Если вас это утешит, вы прекрасно сложены, невероятно сексуальны, и еще долго будете служить мне музой и вдохновением... по ночам, – добавил он немного дерзко. – Всего доброго, Ангел-лина.

Он отвернулся и продолжил заниматься своими делами, оставаясь при этом, совершенно голым.

Литмоб "Я ТВОЙ..."

– Невероятно...

Я быстро натягивала одежду, руки дрожали, пальцы не слушались. Нижнее белье, юбка, блузка – я застегивала пуговицы через одну, путалась в молнии.

Под нос проворчала что-то про озабоченного клоуна и проверки на дебилов.

Профессор даже не обернулся. Так и стоял у стеллажа, голый как Адам в день творения, и сосредоточенно подписывал колбу маркером.

Я смотрела на его широкую спину, на татуировки на шее, на руках и вдоль позвоночника, и хотела провалиться сквозь пол.

Он не обращал на меня никакого внимания. Как будто меня не существовало. Как будто я была пустым местом, случайно залетевшим в его святая святых.

Я подошла к двери, та бесшумно открылась.

– Успехов в поиске ассистента! – бросила я через плечо и тут же пожалела об этом.

Показала свою уязвимость, задетое эго. Вот же дура!

По улице шла и злилась. Мне блин двадцать два года! Я попала на простой проверке, на дешевом трюке.

Зато этот озабоченный демон увидел меня голой. Справедливости ради – я тоже его увидела. И знаете что? Он был

огромный, красивый мужик-самец. И он это прекрасно знал.

Он не стеснялся, потому что он Дэмиан Рицци, бог микробиологии, а я – просто дура, которая пришла на собеседование и сняла трусы по первому требованию.

Я могла бы подать на него жалобу. Но кто мне поверит? Во-первых, он профессор с субсидированным правительством проектом. Во-вторых, признаваться перед всеми, что я так облажалась и попалась на некомпетентности – это позор. Это хуже, чем позор. Это приговор.

Я шла и перебирала в голове свои победы. Областная олимпиада по химии – первое место. Всероссийский конкурс микробиологических исследований – золотая медаль. Публикация в “Вестнике молодых ученых” про ферментативную активность экстремофилов.

Умница, Ангелина Соловьева – лучшая студентка, молодое дарование. Преподаватели меня обожали, родители гордились. Я сама поступила, сама выбилась из серой массы, без денег и связи.

Какое фиаско. Такое унижительное, дешевое фиаско. Нет, я никому и ни за что не признаюсь.

И что-то мне подсказывает, что дьявол Дэмиан об этом знал. Он знал, что я промолчу. Он знал, что я буду молчать, потому что мне стыдно. Он все рассчитал. Этот человек всегда всё рассчитывает.

Дома родители сидели на кухне. Мама сразу подняла голову, папа отложил газету.

– Ну как собеседование, доченька? – спросила мама.

Я пожала плечами, стянула куртку, повесила на крючок.

– Нормально.

– Тебя взяли?

– Пока не знаю. Но шансы не большие, я же говорила, там очень строгий отбор.

Я ушла в свою комнату, закрыла дверь. Легла на кровать, уставилась в потолок. Тошно было до невозможности.

Проворочалась полночи, пытаюсь уснуть. Продумывала все возможные варианты развития событий: как бы ответила ему, что бы сказала, если бы включила мозги, как ученый, а не как баба, текущая по альфа-самцу.

Не помню как уснула.

Приснился, конечно же, профессор. В том же подвале, в том же красном свете.

Только теперь я стояла одетая, а он подошел ко мне и начал расстегивать мою блузку. Медленно, как будто наслаждался процессом. Красная жидкость в колбах пульсировала, и свет стекал по его плечам.

Моя кожа горела под одеждой. Я чувствовала жар, но пока он не стянул с меня лифчик – не могла снять сама. И когда он это сделал, моя грудь обнажилась, и он смотрел на нее так, как смотрит ученый на идеальный образец.

– Ангел-лина, – прошептал он.

А потом развернул меня лицом к стеллажу. Прижал к холодному металлу. Я почувствовала, как он пристроился ко

мне сзади своим телом – горячим и мускулистым. Его огромный агрегат уперся мне между ягодиц.

Я вздохнула, а он провел рукой по моему животу, спустился ниже, между ног. Пальцы скользнули внутрь, раздвигая меня. Я застонала, а он зажал мне рот ладонью.

– Тихо, ангел. Слышишь? Тихо.

Он вошел в меня резко, без предупреждения. Я вскрикнула, но его ладонь заглушила звук. Он двигался грубо, быстро, толчками. Я чувствовала каждый его удар.

Его грудь прижималась к моей спине, он кусал меня за плечо. Его член был огромный, растягивал меня, наполнял, и я сходила с ума от этого ощущения.

Он был беспощадным, брал меня так, как будто я была его собственностью, его лабораторным материалом. Он прижал меня сильнее, задрал ногу, и вошел еще глубже. Красный свет стал ярче, пульсировал в такт нашим ударам тел друг о друга.

– Смотри, – прошептал он, показывая на колбу, – видишь, как свет реагирует? Он реагирует на тебя.

Я кончила во сне.

Вздрогнула, выгнулась, и проснулась от того, что низ живота судорожно сжался. Я лежала в своей кровати, простыни смяты, сердце колотилось. Между ног было влажно.

Я застонала, зажмурилась, спрятала лицо в подушку. Мне было стыдно. До слез стыдно. И в то же время – где-то глубоко внутри, я хотела, чтобы это было наяву.

Утро началось с того, что я лежала в кровати и смотрела в потолок, пытаясь убедить себя, что все это было просто сном. Не по-настоящему. Но низ живота до сих пор помнил пульсацию, а щеки горели, стоило только закрыть глаза и вспомнить красный свет, его руки, его голос.

Я перевернулась на бок, закусил губу. Нет. Это ни в какие ворота! Как мне сегодня смотреть ему в глаза? Лучше я вообще не пойду на занятие.

Но хорошая девочка во мне, та, что годами выстраивала идеальную репутацию, боялась пропусков больше, чем косо-го взгляда профессора.

Пропуск – это пятно в ведомости, вопрос от куратора, разочарование на лице декана. И я не могла себе этого позволить.

К черту его! В конце концов, подумаешь! Провалилась так провалилась. Ну увидела его голым. Ну кончила во сне с его участием. С кем не бывает, правда?

Ладно, с кем-то не бывает, а у меня – бывает.

Просто улыбаемся и машем... то есть пашем дальше.

Я оделась в серую водолазку, джинсы, собрала волосы в хвост. Максимально незаметный образ. Серая масса. Как обычно.

Вошла в аудиторию за пять минут до начала, быстро

скользнула на задний ряд, села у самой стены. Обложились учебниками, раскрыла конспект, уткнулась в него носом.

Вокруг гудели студенты, кто-то смеялся, кто-то листал лекции. Я чувствовала себя маленькой, незаметной, почти прозрачной. Идеально.

Дверь открылась, и в аудиторию вошел Дэмиан Рицци. Одетый, прикиньте.

В белой рубашке с закатанными рукавами, сером жилете, брюки, начищенные ботинки. Волосы слегка растрепаны, на лице – легкая щетина. И эти его очки... уф!

Он шел неспешно, с грацией хищника, которая одновременно притягивала и пугала.

В аудитории сразу стало тише. Несколько девочек с передних рядов переглянулись, одна даже прикрыла рот ладонью и шепнула что-то соседке.

Я знала, о чем они шепчутся. У нас было два преподавателя, по которым текли все женщины без исключения. Наш профессор Рицци и его коллега и друг Астахов, которому, поговаривают, вот-вот достанется кресло ректора. Астахов недавно женился и интерес многих девочек к нему отпал с его новым статусом.

Но Рицци был, кажется, свободен. И Рицци был опасным. Рицци был совершенно недостижимым.

Он подошел к кафедре, положил на нее папку с бумагами, и... начал шарить по аудитории взглядом. Медленно, методично, как будто сканировал каждое лицо.

Я сидела низко, спрятавшись за учебником, и надеялась, что он не по мою душу. Но он нашел меня.

Все-таки, по мою...

Он вперился в меня взглядом, как будто пригвоздил к месту. У меня по спине пробежал холод.

Несколько студентов обернулись, пытаясь понять, на кого он смотрит. Я стекла ниже, почти спрятавшись за парту, мечтая стать невидимкой.

Он смотрел на меня так, как будто я все еще была голая перед ним. Как будто вчерашняя сцена никуда не делась, как будто мы все еще стояли в том подвале среди колб с красной жидкостью.

Я опустила глаза, уставилась в конспект, но буквы расплывались. Я потела, покрывалась мурашками, вспоминала свой сон – его руки, его движения, то, как он вошел в меня резко и грубо, и как я кончила, не успев даже осознать, что происходит.

Твою ж мать, я больше не могла смотреть на него как на ученого, потому что вчера я видела его татуировки, его красивое тело и мускулы и... да-да, как такое забудешь – его пенис. Огромный, напряженный пенис, который он даже не пытался скрыть.

Как теперь это развидеть – не понятно, но очень интересно. И хочу ли я развидеть?

Пара началась. Рицци говорил о ферментативной активности, о биопленках, о межклеточной сигнализации.

Он всегда говорил ровным, уверенным голосом, который я обожала. Но сегодня я не слышала ни слова. Я смотрела на его губы, на то, как они двигаются, и думала о том, как эти губы шептали “тихо, ангел” в моем сне.

– Со-ло-вьева? – неожиданно профессор произнес мою фамилию так, как будто пробовал ее на вкус.

Я подняла глаза. Он стоял прямо рядом с моей партой и смотрел на меня, чуть склонив голову набок.

– Зайдите ко мне в кабинет после занятия.

Ой-ёй... Я замерла, в горле пересохло, а мозги превратились в желе. И он смотрел на меня так же, как вчера, когда я стояла перед ним голая. Холодно, оценивающе, с легкой усмешкой в уголке губ.

Я кивнула, не в силах произнести ни слова. Он развернулся и продолжил занятие.

Мне было страшно до дрожи. Потому что я не знала, чего ожидать, но знала одно – он будет играть со мной. Ну, а я? А я уже проиграла.

Пара закончилась, а я все еще сидела за партой, не в силах собрать вещи. Руки дрожали, конспект выскальзывал из пальцев, и я дважды уронила ручку.

Вокруг шумели одноклассники, кто-то уже выходил, кто-то перекидывался фразами, но я не слышала ни слова.

В голове была одна мысль – зачем он меня вызвал? Перебирала все возможные варианты. Может, он хочет извиниться? Может, хочет отчитать за вчерашнее? Может, собирается шантажировать меня? Или, что хуже всего, хочет продолжить то, что начал? Я не знала.

От волнения в животе все скрутило, к горлу подступила тошнота. Я подумала, что сейчас меня вырвет прямо здесь.

Рядом присела Лера, моя соседка по парте, и тронула меня за плечо:

– Ангелин, ты чего? Тебя Рицци вызвал? Идешь?

Я посмотрела на нее пустыми глазами, открыла рот и закрыла. Я не могла ответить, потому что не знала этого ответа. Не знала, что он хочет, не знала, что мне делать.

Лера пожала плечами, взяла свои вещи и ушла. Аудитория постепенно пустела, я осталась одна из всех студентов.

Профессор стоял в дверях, руки в карманах брюк, и смотрел на меня. Он ждал, пока я выйду.

Я поспешила к двери, и уже проходя мимо него, заметила

то, чего раньше никогда не было: воротник его рубашки был чуть расстегнут, открывая ключицу и шею. Он всегда был застегнут на все пуговицы, до последней, всегда идеальный, всегда недоступный. А сейчас – расстегнут. Как будто ему было жарко.

И еще я увидела языки пламени его татуировки, поднимающиеся от груди к шее. Они были яркими, четкими, красивыми. И мне захотелось – черт возьми, я даже не знаю, откуда такое желание – провести по ним языком. Прямо здесь, прямо сейчас.

Я сглотнула и опустила глаза.

Он дождался, когда я выйду и закрыл аудиторию. Повернулся ко мне:

– Пройдемте со мной. В мой кабинет.

Не помню, как шла. Ноги меня не держали, ватные, тяжелые. Состояние близкое к обмороку – в ушах звенело, перед глазами плыло. Я шла за ним по коридору, смотрела на его спину и думала только о том, что сейчас умру.

Он открыл дверь кабинета, пропустил меня вперед и зашел следом. Щелкнул замок. Я шумно сглотнула – звук показался мне оглушительным. Он повернулся ко мне, заметил мою панику и усмехнулся.

– Я не... не собирался заставляя вас снова раздеваться, Соловьева. Это просто чтобы нам не мешали. В последнее время ко мне кто только не вламывается без стука.

Я несмело кивнула, хотя не верила ему. И судя по его ух-

мылке – правильно делала.

Рицци пригласил меня сесть, указывая на кресло напротив стола. Я села, сжавшись в комок, а он сам отошел к окну и долго в него смотрел.

Молчание затянулось, давило на меня, я боялась дышать.

Наконец он сказал:

– Я прошу прощения за свою выходку, Соловьева. И готов компенсировать моральный ущерб... чем угодно и как угодно. Скажите номер карты, я переведу.

Он достал телефон и на полном серьёзе ждал, что я продиктую номер. А я сидела и зависла. Не могла говорить. Не понимала, имею ли право требовать деньги. Вдруг это снова не просто так, и это была очередная проверка, и я опять попадусь.

Профессор смотрел на меня, ожидая ответа, но я молчала. Тогда он убрал телефон и спросил:

– Ладно. Тогда чего вы хотите?

Я пожала плечами. В голове крутилось одно – работа. Единственное, что я хотела по-настоящему. И я выпалила:

– Работать на вас.

– Я не стану вас нанимать.

– Но... п-почему?

Мой голос сорвался. Черт, неужели я настолько хуже всех претенденток? Остальные, что, не раздевались? Только я одна оказалась такой дурой?

Слезы подступили к глазам. Если я сейчас еще и зареву –

все, это конец моему самоуважению.

Профессор посмотрел на меня внимательно, тяжело, и сказал:

– Я изучил ваше дело, ваше резюме. Оно впечатляющее. Я и так это знал – вы лучшая ученица на всем потоке.

Он сделал паузу и медленно меня осмотрел: губы, руки, шею и задержал взгляд на моей груди. Сжал челюсть.

Потом он продолжил:

– Но у меня есть железное правило – не гадить там, где ешь.

– Что?

Рицци подошел ко мне ближе, как крадущийся хищник. Медленно, уверенно. Встал напротив меня, заключив в капкан – я была зажата между его телом и креслом.

Он наклонился, и я чувствовала его запах, его дыхание. Он сказал:

– Это очень серьезный проект. На карту поставлено все. И я не могу взять на помощь человека, который будет меня отвлекать от главных задач.

– От-отвлекать? – спросила я, заикаясь.

Он опять осмотрел меня, но уже по-другому. Медленно, сверху вниз, как будто жрал в своих фантазиях. У меня кожа покрылась мурашками от этого взгляда.

Он продолжил:

– Вы – идеальный кандидат для этой работы. Но вчера я понял, что совершил ошибку. Я не стану вас нанимать. Ка-

тегорически.

– П-почему?

– Потому что я не смогу думать о проекте... Вообще думать не смогу ни о чем. Только о том, как сильно хочу вас трахнуть.

Я замерла. Сердце пропустило удар. В голове было пусто.

Жар разлился по всему телу. Я не знала, что сказать. Не знала, как реагировать. Хотелось провалиться сквозь пол.

Но одновременно с этим – хотелось остаться. Хотелось, чтобы он сказал это еще раз.

Я молчала, а он смотрел на меня, ожидая хоть какой-то реакции. Но я не могла. Я просто сидела, сжавшись, и чувствовала, как между ног становится влажно от одних его слов.

А я сама точно уверена, что хочу на него... работать?

Я только что прочувствовала на себе, что означает фраза “сжаться в комок”.

Внутри все вибрировало от его голоса, от его слов.

“Хочу вас трахнуть”.

Я это еще вчера поняла. Я не слепая.

Но одно дело видеть, как у мужика на тебя встал, а другое – когда он в открытую тебе в этом признается.

И почему-то именно сейчас, когда он признался в своем желании, в своей слабости, я ощутила странный прилив сил. Этот мужчина, этот неприступный профессор, знаменитый Дэмиан Рицци, который держал в страхе весь факультет, признался, что не может думать в моем присутствии.

Это было неожиданно. И это дало мне то, чего я не ожидала – смелость.

Я медленно выпрямила осанку, расправила плечи, убрала прядь волос за ухо. Посмотрела ему прямо в глаза, и хотя голос все еще дрожал, в нем появилась твердость, которой я в себе не знала.

– А знаете, я верю в вас, – сказала я, стараясь не сбиваться. – Я давно влюблена в ваш ум и ваш талант. Я верю, что вы справитесь с мимолетным искушением.

Он замер.

И в его глазах что-то изменилось. Он посмотрел на ме-

ня так, как будто видел впервые. Как на человека, который только что сказал то, чего он не ожидал услышать. И то, что он увидел в этом новом свете, ему понравилось.

Он едва заметно приподнял бровь и склонил голову набок, изучая меня, будто переоценивая все, что знал обо мне раньше.

– Вы так хотите получить эту работу? – спросил он с ноткой удивления, почти восхищения.

– Это шанс для моего будущего, – ответила я твердо. – И он мне нужен. Очень.

Он еще больше приблизился, и расстояние между нами стало почти неприличным. Смотрел на меня сверху вниз, и во взгляде промелькнуло что-то похожее на вызов.

– И вы ухватитесь за него во что бы то ни стало? Даже зная, что я вас хочу?

Я снова вспыхнула, но не отвела глаз. Сглотнула и сказала, стараясь не дрожать:

– При всем моем уважении... Я тоже не гажу там, где...

Я не договорила, потому что он вдруг улыбнулся. Не наглой усмешкой, которой он награждал меня раньше, а настоящей, теплой, почти человеческой улыбкой. В ней было что-то оскорбленное, но в то же время он выглядел каким-то гордым.

Он смотрел на меня и кивал, как будто подтверждая что-то самому себе.

– Так и быть. Вы приняты, – сказал он.

Я заморгала. Не поверила своим ушам.

– Что?

– Я сказал: вы приняты, Соловьева, – повторил он без капли сомнения. – Завтра утром жду вас в лаборатории. Я введу вас в курс дела.

У меня не было сил пошевелиться. В голове полный туман.

А профессор уже достал блокнот и что-то писал, не глядя на меня, как будто это было само собой разумеющееся. Потом поднял глаза:

– Когда у вас выпускные экзамены? Когда вы сможете приступить к работе полноценно?

– Через месяц, – ответила я автоматически, все еще не веря.

– Что ж, месяц стажировки и год работы. Триста девяносто пять дней...

Он проговорил эти слова медленно, как будто пробовал их на вкус. Как будто примерял их на себя.

– С вами бок о бок каждый день, – продолжил он задумчиво, – ненормированный рабочий день и эксцентричные выходы начальника.

– Такие, как вчера? – спросила я, сама не понимая, откуда во мне взялась эта дерзость.

Он улыбнулся. Широко, открыто, и эта улыбка осветила его лицо, сделав его почти молодым.

Руки протянул мне руку для пожатия. Я поднялась, чув-

ствуя, как ноги все еще подкашиваются, но теперь уже не от страха, а от какого-то странного возбуждения.

Я вложила свою ладонь в его, и когда он пожал мою, у меня по всему телу пробежал ток. Судя по его дрогнувшей улыбке, он это тоже почувствовал.

– С вами будет очень приятно поработать, Ангел-лина, – сказал он, глядя мне прямо в глаза.

Я кивнула, не в силах произнести ни слова. Он отпустил мою руку, и я развернулась, направляясь к двери. Когда я взялась за ручку, он окликнул меня:

– И еще, Соловьева?

Я обернулась. Он стоял за своим столом, скрестив руки на груди, и смотрел на меня с той самой усмешкой, которая теперь казалась мне почти ласковой.

– Я предупреждаю: со мной будет не легко.

– Я и не рассчитываю.

Как вышла из его кабинета – не помню.

Закрыла за собой дверь и прислонилась к стене, чувствуя, как сердце бешено колотится.

Я вообще не верила в то, что только что произошло. Что я получила работу. Причем лучшую работу, о которой могла мечтать.

Триста девяносто дней бок о бок с человеком, который признался, что хочет меня.

Интересно, он сдержится?

А я?

Домой я буквально влетела, распахнув дверь с таким грохотом, что мама выронила половник из рук.

Я выпалила новость, сбиваясь на полуслове:

– Мам, пап, меня приняли! Я стажер у самого Рицци!

– У твоего любимого преподавателя? – мама всплеснула руками. – В которого ты влюблена?

– Да, да, у того... так стоп, что? Мам, я сказала, что влюблена в него, как в гения, а не то, о чем ты подумала...

– Да, да, милая, я так и сказала.

Нет, не так. Но я была слишком счастлива, чтобы заострять на этом внимание.

– И ты будешь работать в его супер-лаборатории? – папа обнял меня. – О, я надеюсь вы изобрете Человека-паука или железного человека...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.